

«Храм Ясукуни не будет использован в качестве дипломатической карты». Эта позиция, кстати, получила поддержку со стороны двух наиболее вероятных кандидатов в преемники Коидзуми, который осенью 2006 г. оставляет свой пост. Один из них, министр иностранных дел Т. Асо, выступая по телевидению, в который раз за последние месяцы высказал резкие критические замечания в адрес Пекина и указал на исходящую со стороны Китая военную угрозу. Не замеченный до этого в «антикитайских настроениях» второй из кандидатов, генеральный секретарь кабинета министров С. Абэ, заявил, что «неправильно со стороны Китая отказываться от переговоров с Японией лишь из-за одной проблемы». Он также подчеркнул, что «именно Китай должен сделать первый шаг» на пути к возобновлению переговорного процесса³⁴.

Таким образом, как следует из изложенного выше, отношения между Японией и Китаем в последнее время резко осложнились. Причины этого следует искать не только в политической и экономической, но также и в исторической плоскостях. Хотя о заинтересованности в преодолении тупиковой ситуации в переговорном процессе заявляют и та, и другая сторона, выход из нее не представляется простым. Например, ожидания, что выход из сложившегося положения будет найден осенью 2006 г., после смены главы японского правительства, могут не оправдаться. Есть основания полагать, что Токио и Пекину предстоит трудный и достаточно долгий путь к нормализации отношений.

Проблема «похищенных японцев» в отношениях Японии и КНДР

В. А. Гринюк

Отсутствие нормальных дипломатических отношений между Японией и КНДР – один из факторов нестабильности в Северо-Восточной Азии. С одной стороны, в Корее до сих пор жива память о колониальном господстве Японии, которое принесло корейцам беды и лишения, связанные с войной, подавление национальной культуры, насильственное переселение. С другой стороны, в настоящее время Япония рассматривает баллистические ракеты и оружие массового поражения Северной Кореи как главную угрозу для собственной безопасности. Перспективы налаживания нормальных двусторонних отношений еще более усложняются из-за проблем, связанных с похищениями японских граждан спецслужбами КНДР во второй половине XX в.

В сентябре 2002 г. состоялся официальный визит премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в Пхеньян. И хотя на переговорах на высшем уровне, прежде всего, обсуждались проблемы безопасности обеих стран и вопросы сотрудничества в целях поддержания мира и стабильности в Северо-Восточной Азии, не осталась без внимания и болезненная тема о похищениях японцев. Председатель комитета обороны КНДР Ким Чен Ир в ходе беседы с Дз. Коидзуми признал факты похищений японских граждан спецслужбами КНДР и принес извинения. В подписанной руководителями двух государств «Пхеньянской декларации» по этому поводу говорится следующее: «Что касается еще не разрешенных вопросов, затрагивающих жизнь и безопасность японского народа, то Корейская Народно-Демократическая Республика подтвердила, что примет надлежащие меры, чтобы достойные сожаления проблемы, порожденные в обстановке отсутствия нормальных японо-корейских отношений, впредь не возникали»¹.

С 28 сентября по 1 октября 2002 г. группа следователей, сформированная японским правительством, изучала в Пхеньяне обстоятельства похищений соотечественников. Согласно разъяснениям северокорейской стороны, изложенным в докладе следственной группы, события развивались следующим образом. 15 ноября 1977 г. в г. Ниигата 13-летняя девочка М. Ёкота, возвращавшаяся домой из школы, была похищена северокорейским разведчиком и вывезена в КНДР. Как объясняли представители Пхеньяна, их оперативник в данном случае действовал самовольно и пошел на похищение школьницы, потому что в тот момент возникла опасность его разоблачения.

³⁴ The Japan Times. 03.04.2006.

¹ Гайко фураму. 2002, декабрь, № 173, с. 15.

По версии северокорейской стороны, после этого инцидента в руководстве одной из спецслужб возникла идея вывозить взрослых японских граждан в КНДР для использования их в качестве преподавателей японского языка в разведшколах, и для легализации северокорейских нелегалов. Эта спецслужба якобы самовольно провела ряд операций: с июня 1978 г. по июнь 1980 г. из Японии в КНДР было вывезено девять мужчин и женщин. В начале 80-х годов агенты другой северокорейской спецслужбы также предприняли «самовольные» действия по доставке японцев в КНДР. Поскольку у этой спецслужбы не было возможностей действовать в Японии, северокорейские разведчики с июня 1980 г. по июль 1983 г. вывезли из Западной Европы в КНДР трех японских граждан. Таким образом, в общей сложности в Северную Корею были тайно доставлены 13 японцев и японок. Из них семь человек были похищены агентами, одна женщина была украдена неким японским предпринимателем по поручению северокорейского агента, а пять человек прибыли в КНДР добровольно. В 1998 г. два сотрудника северокорейских спецслужб, имевшие непосредственное отношение к похищению японских граждан, были осуждены в КНДР по шести статьям уголовного кодекса, в том числе за злоупотребление служебным положением. Чан Бон Лим был приговорен к смертной казни, а Ким Сон Чоль – к 15-летнему заключению².

Что касается судьбы японцев, увезенных в КНДР, то северокорейская сторона сообщила, что пять японцев живы, а восемь умерли в результате болезней или несчастных случаев. Характерно, что умершими были объявлены именно те японцы, которых сотрудники спецслужб привезли в КНДР, якобы предварительно заручившись их согласием.

Так, студент Киотского института иностранных языков К. Мацуки в 1980 г. проходил стажировку и готовил дипломную работу в Испании. По версии северокорейцев, когда сотрудник спецслужбы вышел на него и предложил совершить ознакомительную поездку в КНДР, Мацуки сразу принял предложение. По прибытии в Северную Корею в июне 1980 г. представители спецслужб попросили Мацуки остаться в КНДР и стать преподавателем японского языка, он согласился и в течение 16 лет добросовестно работал в разведшколе. В августе 1996 г. во время экскурсии по историческим местам автомобиль, на котором ехал Мацуки, попал в аварию на горной дороге. В результате он и водитель погибли. Останки Мацуки были захоронены на одном из кладбищ, но во время наводнения их смыло водой.

Т. Исиока, студент университета Нихон, в июне 1980 г. прибыл в Пхеньян из Мадрида вместе с Мацуки. Поскольку Исиока согласился остаться в КНДР, ему также была предложена работа преподавателя японского языка в разведшколе.

С 1982 г. студентка института иностранных языков в Кобэ К. Аримото находилась на стажировке в Великобритании. По данным, предоставленным северокорейской стороной, она приняла предложение сотрудника спецслужбы посетить КНДР, а по прибытии в Пхеньян в июле 1983 г. высказала пожелание «пожить в условиях, отличающихся от условий капиталистического общества». Сотрудники спецслужб в 1984 г. предложили ей место преподавателя японского языка в том же учебном заведении, где уже работал Исиока. В декабре 1985 г. Исиока и Аримото поженились, а в следующем году у них родился ребенок. Как сообщила северокорейская сторона, в ноябре 1988 г. супруги вместе с ребенком умерли в результате отравления угарным газом во время сна в специальном «доме для гостей». Они были похоронены на кладбище в г. Хичён. Однако в августе 1995 г. их останки были унесены водой во время сильного наводнения³.

Якобы по своей воле оказались в КНДР еще два человека. 23-летняя работница ресторана из Токио Я. Тагути в июне 1978 г. познакомилась на побережье в районе г. Миядзаки с сотрудником северокорейской спецслужбы. Разведчик подбирал людей, документы которых могли бы использовать северокорейские нелегалы. Так как женщина высказала пожелание совершить трехдневную поездку в КНДР, оперативник переправил ее в Северную Корею. С июня 1978 г. до октября 1984 г. Тагути находилась в одном из «домов для гостей», где согласно установленному органами порядку обучалась корейскому языку и знакомилась с реалиями жизни в КНДР.

Повар китайского ресторана в Осака Т. Хаара хотел выехать за границу, чтобы заработать денег и вылечить больные зубы. Вышедший на него сотрудник северокорейской спецслужбы предложил ему 1 млн. иен и возможность выехать в КНДР в обмен на подлинную выписку из книги семейной записи (записи актов гражданского состояния) семьи Хара. Сделка состоялась, в июне 1980 г. Хара был переправлен в Северную Корею и до октября 1984 г. проживал в «доме для гостей», где изучал корейский язык и знакомился с реалиями жизни в КНДР.

В октябре 1984 г. Хара и Тагути поженились, но в июле 1986 г. Хара умер от цирроза печени. Через несколько дней после смерти мужа Тагути погибла в автомобильной катастрофе: легковая автомашина, в которой она ехала по горной дороге, столкнулась с грузовиком. Супруги были похоронены, но в июле 1995 г. после сильных дождей произошел прорыв дамбы недалеко от кладбища, где покоились останки Хара и Тагути, и их могилы были смыты потоком воды.

Согласно уверениям северокорейской стороны, в КНДР умерли также трое граждан Японии из числа похищенных и насильно увезенных в Северную Корею, вероятно, на кораблях для спецопераций. В августе 1978 г. северокорейские агенты похитили и переправили в Пхеньян 24-летнего жителя преф. Кагосима, служащего Телеграфно-телефонной корпорации С. Итикава.

² <http://www.asahi.com/special/abductees/report/html>.

³ <http://www.asahi.com/special/abductees/report/html>.

С момента прибытия в КНДР до апреля 1979 г. Итикава проживал в «доме для гостей». В апреле 1979 г. он женился на соотечественнице и подруге по несчастью Р. Масумото, которая была похищена вместе с ним. В сентябре 1979 г. Итикава утонул на пляже в районе г. Вонсан – во время купания у него остановилось сердце. Могила Итикава была смыта водой во время большого наводнения в июле 1995 г. В августе 1981 г. 25-летняя жена Итикава – Р. Масумото умерла в результате болезни сердца. Была похоронена на том же кладбище, что и муж, и ее останки якобы были утрачены при тех же обстоятельствах, что и останки Итикава.

Согласно информации, предоставленной северокорейской стороной, трагически завершилась в КНДР и жизнь М. Ёкота, чье похищение положило начало череде спецопераций северокорейской разведки в отношении японских граждан. Как и другие соотечественники, она до июля 1986 г. проживала в «доме для гостей». В августе 1986 г. Ёкота вышла замуж за гражданина КНДР и спустя год родила дочь. В марте 1993 г. она умерла в результате психического заболевания.

В неволе удалось выжить двум японцам и трем японкам. 23-летний ученик плотника Х. Тимура вместе со своей подругой Ю. Хамамото был украден в июле 1978 г. в г. Обама префектуры Фукуи. В ноябре 1979 г. они поженились. Живы также К. Хасуикэ, бывший студент университета Тюо, и его подруга Ю. Окудо, служащая компании Канэбо. Оба были похищены в июле 1978 г. в г. Касивадзакэ преф. Ниигата и переправлены в КНДР. В мае 1980 г. они поженились, у них родился сын.

В августе 1978 г. по заданию северокорейского разведчика была похищена неким японским предпринимателем и была переправлена в КНДР Х. Сога, медсестра из уезда Садо преф. Ниигата. В августе 1980 г. она вышла замуж за Чарльза Роберта Дженкинса – сержанта армии США, в 1965 г. дезертировавшего из дислоцированной в Южной Корее воинской части и бежавшего на север. Супруги имеют двоих детей.

О деталях жизни в КНДР пяти ныне здравствующих граждан Японии из числа похищенных не сообщается – известно лишь, что Х. Тимура и К. Хасуикэ в сентябре 2002 г. работали переводчиками в Центре изучения национальных обычаев Института общественных наук КНДР⁴.

Что касается Ю. Кумэ и М. Сога, которые, по имеющейся у японской стороны информации, также были похищены, то северокорейские представители заявили, что эти японские граждане никогда не были на территории КНДР.

Объяснения северокорейской стороны об обстоятельствах переправки в КНДР японцев и их дальнейшей судьбе с самого начала были восприняты в Токио с недоверием. То, что некоторые японцы могли дать согласие на посещение Северной Кореи, звучит достаточно правдоподобно. Действительно, в 80-е годы у части японского общества, особенно у студенчества, пользо-

вались популярностью левые идеи и существовал интерес к социалистическим странам. Однако совершенно невероятны ссылки Пхеньяна на то, что сотрудники северокорейских спецслужб действовали самостоятельно, без санкции руководства. В обстановке жесткой регламентации всех сторон жизни в КНДР разведчики не могли и шага ступить без одобрения сверху. Кроме того, спецоперации долгое время были излюбленным инструментом внешнеполитической стратегии Пхеньяна. В изданной в Японии книге перебежавшего в Южную Корею бывшего сотрудника разведки КНДР Ким Тон Хёка утверждается, что Ким Ир Сен в силу ряда обстоятельств (географическая близость к Корее, многочисленная корейская диаспора, наличие мощной организации соотечественников «Тёсэн сорэн», отсутствие законов против шпионажа и пр.) считал Японию «интересным объектом» с точки зрения прокладывания «обходного пути» для проникновения в Южную Корею. Ким Тон Хёк пишет, что еще в ноябре 1969 г. на расширенном заседании руководства КНДР Ким Ир Сен говорил об операциях по похищению японцев как о мерах, полезных для осуществления революции⁵.

Не могли не вызывать подозрения и уверения Пхеньяна в том, что не сохранились даже останки умерших из числа приглашенных или насильно доставленных в КНДР японцев.

Проблема похищений японских граждан стала серьезным препятствием для нормализации японо-северокорейских отношений. В мае 1991 г. во время третьего раунда переговоров японская сторона подняла вопрос об «инциденте с Ли Ун Хе». Сотрудница северокорейской спецслужбы по имени Ким Хён Хи, осужденная в Южной Корее за подрыв южнокорейского пассажирского самолета в ноябре 1978 г. (в результате взрыва погибли 115 пассажиров и членов экипажа лайнера), сообщила, что японская женщина, получившая псевдоним Ли Ун Хе, обучала ее японскому языку. Японская полиция считала высокой вероятностью того, что упомянутой преподавательницей японского языка на самом деле была Я. Тагути, которую считали пропавшей. Северокорейская сторона резко отреагировала на вопрос о Ли Ун Хе, заявив, что это – «оскорбление Корейской Народно-Демократической Республики, и шаг, направленный на подрыв двусторонних переговоров»⁶. Хотя по этому вопросу некоторое время велись двусторонние консультации на рабочем уровне, в ходе восьмого раунда консультаций по нормализации двусторонних отношений в ноябре 1992 г. представители Пхеньяна отказались обсуждать вопрос о Ле Ун Хе и в одностороннем порядке прервали консультации. Это привело к приостановке переговоров по нормализации отношений.

На предварительной встрече по поводу возобновления переговоров о нормализации двусторонних отношений в августе 1997 г., а также в ходе

⁵ Ким Тон Хёк. Киннисэй но химицу кёдзи (Секретные указания Ким Ир Сена). Токио, 2004, с. 129–130.

⁶ The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Outline and Background of Abduction Cases of Japanese Nationals by North Korea. April 2002. – http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korera/abduct.html.

⁴ <http://www.asahi.com/special/abductees/report/html>.

первого раунда переговоров представителей Красного Креста Японии и КНДР в сентябре того же года Токио поднимал вопрос о похищениях японских граждан, однако северокорейская сторона по-прежнему категорически отрицала свою причастность к таким действиям.

В ноябре 1997 г. делегация депутатов парламента Японии посетила Северную Корею. В ответ на просьбу делегации расследовать похищения японцев представители Пхеньяна заявили, что намерены «исследовать проблему как частный случай пропажи людей»⁷. В ходе второго раунда переговоров представителей Красного Креста Японии и КНДР в декабре 1997 г. японская сторона вновь настоятельно потребовала от Пхеньяна провести серьезное расследование и принять меры для урегулирования проблемы. Северокорейская сторона обещала провести расследование и предоставить японцам его результаты, утверждая при этом, что правительство КНДР никоим образом не причастно к похищениям.

В июне 1998 г. представитель Красного Креста КНДР заявил, что, как показали результаты расследования, ни один из десяти японских граждан, которых правоохранительные органы Японии считают похищенными, не проживает в КНДР. В августе того же года после запуска Северной Кореей баллистической ракеты переговоры представителей Красного Креста Японии и КНДР были приостановлены.

В апреле 2000 г. в ходе Пхеньянского раунда переговоров о нормализации отношений между Японией и Кореей, возобновленных после семилетнего перерыва, японская сторона указала, что без урегулирования проблемы похищений японских граждан улучшение двусторонних отношений невозможно, и призвала северокорейскую сторону проявить честность. В ответ представители КНДР заявили, что откажутся от продолжения диалога, если Токио будет и впредь использовать слово «похищение»⁸.

В августе 2000 г. в Японии проходила вторая после возобновления переговоров о нормализации отношений японо-северокорейская встреча. Японские дипломаты вновь заявили, что обе стороны не смогут игнорировать проблему похищений. Они выразили надежду, что КНДР тщательно изучит проблему и предоставит убедительные результаты расследований. Представители Пхеньяна вновь отвергли саму возможность похищений и утверждали, что эта тема не должна быть предметом переговоров о нормализации отношений между двумя странами. В то же время было заявлено, что Красный Крест КНДР проводит в сотрудничестве с соответствующими ведомствами Японии «тщательное расследование в отношении пропавших граждан»⁹. Однако 27 декабря 2001 г. Красный Крест КНДР объявил о приостановке расследования по поводу «пропавших граждан». Токио расценил этот шаг как совершенно неприемлемый.

⁷ The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Outline and Background of Abduction Cases of Japanese Nationals by North Korea. April 2002. – http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korera/abduct.html.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

11 марта 2002 г. Полицейское управление Японии официально объявило о своих подозрениях в том, что японская гражданка К. Аримото была похищена северокорейскими спецслужбами. 22 марта Красный Крест КНДР в очередной раз отверг обвинения в похищении японских граждан. Вместе с тем было заявлено о решении продолжить расследование случаев «пропажи людей» и о готовности провести переговоры представителей Красного Креста КНДР и Японии. В тот же день министр иностранных дел Японии Ё. Кавагути выступила с заявлением, в котором возобновление северокорейской стороной расследования случаев «пропажи людей» расценивалось как позитивный шаг в ответ на настоятельные просьбы Японии¹⁰.

Таким образом, визит премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в КНДР в сентябре 2002 г. и подписание Пхеньянской декларации получили в Японии высокую оценку и расценивались как серьезный успех японской внешней политики. По мнению профессора Исследовательского института дипломатии и безопасности Юн Дук Мина (Республика Корея), в этот момент японские дипломаты умело использовали изменение обстановки на Корейском полуострове и вокруг Японии и КНДР. Во-первых, пришедшая к власти в США администрация Дж. Буша причислила Северную Корею к «оси зла». Во-вторых, в Северной Корее возникла крайне сложная экономическая ситуация. В-третьих, администрация президента Южной Кореи Ким Тэ Чжун не возражала против опережающих Сеул дипломатических шагов Токио в отношении Пхеньяна. Такая позиция отличалась от линии прежнего южнокорейского президента, который проводил в отношении КНДР «политику солнечного тепла» и считал, что повестку дня японо-северокорейских и американо-северокорейских переговоров необходимо согласовывать с ходом внутрикореяского диалога¹¹. По мнению наблюдателей, важнейшим результатом переговоров Дз. Коидзуми и Ким Чен Ира в сентябре 2002 г. является признание северокорейским руководителем факта похищений японских граждан спецслужбами КНДР и принесенное им извинение. Это был беспрецедентный шаг северокорейской стороны. В частности, после корейской войны 1950–1953 гг. в КНДР насильно удерживались граждане Республики Корея, однако Пхеньян извинений не приносил, и проблема остается до сих пор неурегулированной. По мнению Х. Танака, занимавшего на тот момент пост заведующего Департаментом Азии и Океании МИДа Японии, «решение проблемы похищения японских граждан станет индикатором того, как Северная Корея будет действовать в международном сообществе. Для решения этой проблемы Северная Корея должна быть твердо уверена, что ей выгодно вхождение в международное сообщество»¹². Вместе с тем специалисты высказывали мнение, что дальнейшее продвижение в

¹⁰ The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Outline and Background of Abduction Cases of Japanese Nationals by North Korea. April 2002. – http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korera/abduct.html.

¹¹ Гайко форуму. 2002, декабрь, № 173, с. 13.

¹² Там же, с. 16.

деле разрешения проблемы похищенных японских граждан будет трудным. Реальное развитие событий подтвердило этот прогноз.

15 октября 2002 г. в Японию прибыли пять японских граждан из числа похищенных северокорейскими спецслужбами – супружеские пары Тимура и Хасуикэ, а также Х. Сога. Однако воссоединение их с родственниками, оставшимися в КНДР, задержалось на неопределенное время. Хотя между сторонами был согласован вопрос о возвращении пяти японцев в КНДР после посещения Японии, Токио предпринял шаги вразрез с этими договоренностями. 24 октября 2002 г. генеральный секретарь кабинета министров Японии выступил с заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Японское правительство позволит пяти похищенным гражданам остаться на родине, а что касается членов их семей, оставшихся в Северной Корее, то мы будем решительно настаивать на том, чтобы она обеспечила их безопасность, подтвердила, что они будут незамедлительно возвращены в Японию, и назначила дату их возвращения»¹³.

Такая линия поведения Токио вызвала резкое недовольство руководства КНДР, которое обвиняло японскую сторону в нарушении своего обещания вернуть бывших заложников до окончательного решения их судьбы на двусторонних переговорах. Пхеньян также не давал согласия на скорейший переезд в Японию родственников похищенных.

И хотя японская сторона продолжала оказывать давление на Пхеньян с целью окончательно решить вопрос о похищенных японцах практически на всех международных форумах, в которых участвовала КНДР, а также на двусторонних консультациях, в процессе урегулирования проблемы наступила затяжная пауза.

Среди японцев усиливались антисеверокорейские настроения. Комитет связи семей, пострадавших в результате похищений, и Комитет спасения настаивали на решительных мерах японского правительства для скорейшего воссоединения членов семей похищенных вплоть до введения экономических санкций в отношении КНДР. Учитывая настроения общественности, японский парламент в 2004 г. принял Поправки к закону о валютном регулировании и Закон об особых мерах по запрещению захода в японские порты «определенных» морских судов. Эти законы позволяли запретить денежные переводы и приостановить доставку в Северную Корею грузов из Японии, прежде всего на теплоходе «Мангёнбон-92», совершающем рейсы между Ниигатой и корейскими портами¹⁴.

Для премьер-министра Дз. Коидзуми нормализация отношений с КНДР составляет одну из приоритетных целей. Ему требовался серьезный успех в урегулировании проблемы похищений японских граждан, которая является одной из главных помех для нормализации двусторонних отношений. И

Дз. Коидзуми предпринял второй визит в Пхеньян. 22 мая 2004 г. состоялась его встреча с северокорейским лидером Ким Чен Иром. В ходе переговоров руководитель КНДР изменил прежнюю позицию и дал обещание «провести тщательное повторное расследование с чистого листа» в отношении десяти японских граждан, которых японская сторона считает похищенными и удерживаемыми КНДР¹⁵.

Важным результатом визита Дз. Коидзуми в Пхеньян стало окончательное возвращение в Японию детей супругов Тимура и Хасуикэ, т. е. пяти из оставшихся в КНДР восьми родственников японских граждан, репатриированных в октябре 2002 г.¹⁶

В Пхеньяне Дз. Коидзуми объявил, что если КНДР будет соблюдать положения Пхеньянской декларации, то Япония не станет применять против Северной Кореи поправки к Закону о валютном регулировании и Закон об особых мерах по запрещению захода в японские порты определенных морских судов. В качестве знака доброй воли японский премьер-министр объявил о намерении предоставить КНДР продовольственную помощь (250 тыс. т кукурузы или риса) и гуманитарную помощь (медикаменты на сумму 10 млн. долл.).

Руководство Японии дало высокую оценку визиту Дз. Коидзуми в КНДР в мае 2004 г. Сам премьер-министр подчеркивал, что визит послужит нормализации отношений между Японией и Северной Кореей, переходу от враждебности к дружбе, от противостояния к сотрудничеству двух стран¹⁷. Положительно отнеслось к этой инициативе премьер-министра и большинство населения Японии. Согласно результатам опроса, проведенного газетой «Йомиури», 72% опрошенных одобрили визит, и только 24% – отнесли к нему негативно¹⁸. Комитет связи семей, пострадавших в результате похищений, расценил итоги визита как «наихудшие» из возможных, поскольку северокорейская сторона так и не представила исчерпывающей информации о похищенных японцах. Газета «Йомиури» писала, что «визит нельзя рассматривать как неудачу, но не стоит и оценивать его как успех... Для воссоединения семей, по существу, был выплачен выкуп»¹⁹. Та же газета подчеркивала: «Имея дело с КНДР, нельзя забывать, что это военно-диктаторское государство, которое совершало преступные акты похищения людей. Для улучшения отношений с КНДР наряду с диалогом необходимо прибегать и к давлению»²⁰.

¹⁵ Рондза. 2004, №7, с. 12–13.

¹⁶ Что касается остальных, то встреча Х. Сога с ее двумя детьми и мужем Чарльзом Дженкинсом произошла в Индонезии в июле 2004 г. Позднее Дженкинс предстал перед американским военным судом на военной базе Дзама (преф. Канагава) и по приговору суда за дезертирство отбыл заключение сроком в 30 дней. В декабре 2004 г. семья в полном составе поселилась на родине супруги – в г. Садо преф. Ниигата.

¹⁷ Рондза. 2004, № 7, с.33.

¹⁸ Йомиури симбун. 24.05.2004.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

¹³ http://mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/ccs0210html.

¹⁴ Харука нуру риндзин-ниттё но мэйро (Далёкий сосед. Японо-северокорейский лабиринт). Токио, 2004. С. 218.

Японская сторона продолжала добиваться от северокорейцев полной информации об исчезнувших японских гражданах. По настоянию Токио во время третьего раунда японо-северокорейских консультаций на рабочем уровне, проходивших в Пхеньяне 9–14 ноября 2004 г., состоялись встречи японских представителей с членами северокорейской «следственной комиссии», созданной по распоряжению Ким Чен Ира, и с 16 свидетелями. Они включали врачей и медсестер, осматривавших и лечивших похищенных японских граждан, их бывших инструкторов, работников «домов для гостей» и др.²¹ Северокорейская сторона передала представителям Токио «вещественные доказательства» смерти японцев. Это – останки М. Ёкота и К. Мацуки, история болезни М. Ёкота, копии уголовных дел сотрудников северокорейских спецслужб, осужденных в связи с похищениями японских граждан, копии протоколов автомобильных аварий, в которых якобы погибли японцы. Проверка останков с использованием анализа ДНК, проведенная в Японии в университете Тэйкё и в Национальном исследовательском институте полиции, показала, что предоставленные северокорейцами фрагменты костей не принадлежали М. Ёкота и К. Мацуки. «История болезни», якобы принадлежащая М. Ёкота, содержит записи о нескольких пациентах разного возраста. В копиях уголовных дел сотрудников спецслужб большие фрагменты текста зачернены, и документ не дает возможности установить, в какой мере осужденные были причастны к похищениям. Вымараны также части протоколов автомобильных аварий. В них не указаны фамилии погибших, поэтому эти документы нельзя рассматривать как свидетельства гибели Я. Тагути и К. Мацуки в дорожно-транспортном происшествии.

Представители Японии обнаружили много несуразностей и противоречий и в показаниях северокорейских свидетелей. Вот только некоторые из них. Так, по рассказам медиков, М. Ёкота, помещенная в профилактическую больницу № 49 Пхеньяна, покончила с собой, повесившись на дереве, когда наблюдавший за ней во время прогулки врач на короткий период оставил больную без внимания. Но могла ли женщина совершить самоубийство в условиях постоянного контроля над ней? И почему медики не обратили внимания на веревку, которую Ёкота якобы сама изготовила из обрывков одежды? Далее, северокорейцы утверждали, что Я. Тагути погибла 30 июля 1986 г., а японская сторона располагает информацией, что спустя несколько месяцев после этой даты женщину видели в одном из универсамов Пхеньяна.

Японская полиция в результате собственного расследования пришла к выводу, что Т. Исиока, К. Мацуки и К. Аримото были похищены и доставлены в КНДР из Западной Европы при участии преступников из левачкой группировки «Сэкигун», совершивших в 1970 г. захват пассажирского самолета «Ёдо-го» авиакомпании JAL и угнавших его в КНДР. Однако официальные северокорейские лица упорно отрицают это. Кроме того, японская

сторона имеет доказательства участия в похищениях трех граждан КНДР и требует их выдачи, но Северная Корея отвечает отказом.

В целом, как отмечается в докладе японского правительства, опубликованном 24 декабря 2004 г., северокорейская сторона не смогла предъявить весомых подтверждений смерти восьми похищенных японских граждан и доказательств в отношении еще двух граждан – Ю. Кумэ и М. Сога, что они не были насильственно доставлены в КНДР. В докладе подчеркивается, что повторное расследование не вызывает достаточного доверия, и его нельзя считать «тщательным расследованием с чистого листа», как это обещал председатель Ким Чен Ир²².

Этот документ вызвал резкий протест Пхеньяна. 24 января 2005 г. правительство КНДР направило правительству Японии меморандум, в котором результаты проведенных японской стороной исследований объявляются «явной фальшивкой». Меморандум содержит требование северокорейской стороны к японскому правительству «возвратить останки в их первоначальном состоянии, провести тщательную проверку, установить истину о подделке результатов анализа и строго наказать виновных»²³. Используя наступление как лучший вид обороны, Пхеньян вновь избегает раскрытия правды об обстоятельствах похищений японских граждан и об их судьбе. Кроме того, во время третьего раунда японо-северокорейских консультаций в ноябре 2004 г. северокорейская сторона отказывала японцам во встречах с представителями разведорганов КНДР на том основании, что речь шла о действующих сотрудниках.

После ожесточенного спора по проблеме подлинности останков М. Ёкота, возникшего в ноябре 2004 г., в японо-северокорейских контактах наступил очередной длительный перерыв. Поводом для возобновления диалога Токио и Пхеньяна послужил четвертый раунд шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове. Он проходил в Пекине с 26 июля по 7 августа и с 13 сентября по 20 сентября 2005 г. Следует отметить, что с самого начала шестисторонних переговоров в августе 2003 г. Токио стремился использовать этот механизм для разрешения проблемы похищений. Однако если США не возражали против обсуждения этой проблемы в рамках шестисторонних переговоров, то КНР и Республика Корея считали, что вопрос похищений относится всецело к двусторонним отношениям между Японией и КНДР. Поэтому его включение в повестку дня переговоров могло бы вызвать резкое противодействие Пхеньяна, что затруднило бы продвижение к разрешению ядерной проблемы²⁴. Сходную позицию по этому вопросу занимала и российская сторона.

В июле-сентябре 2005 г. на проходивших параллельно с четвертым раундом шестисторонних переговорах в Пекине японо-северокорейских

²¹ http://www.go.jp/region/asia-paci/n_korea/abduction/invest0412.pdf.

²² http://www.go.jp/region/asia-paci/n_korea/abduction/invest0412.pdf.

²³ http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/abduction/comment0502.pdf.

²⁴ http://yomiuri.co.jp/features/eank/200507/ea20050712_01.htm.

консультациях было решено возобновить диалог между двумя правительствами по проблемам похищений японских граждан. Эта договоренность была подтверждена на состоявшейся в Пекине 24–25 декабря 2005 г. встрече представителей правительств Японии и КНДР.

Японо-северокорейские переговоры по проблемам похищенных японских граждан, нормализации отношений между двумя государствами и по вопросам безопасности (вокруг ядерных и ракетной программ КНДР) состоялись в Пекине 4–8 февраля 2006 г. Усматривая в поведении Пхеньяна попытку уклониться от обсуждения проблемы похищений граждан и в то же время учитывая его заинтересованность в скорейшем восстановлении дипломатических отношений с Токио, прежде всего для получения экономической помощи с японской стороны, последняя настояла на обсуждении проблемы похищений в первую очередь.

5 февраля, на второй день переговоров, который был посвящен проблеме похищений, руководитель японской делегации, советник управления Азии и Океании МИДа Японии К. Умэда заявил, что без разрешения проблемы похищенных граждан нормализация японо-северокорейских отношений невозможна. Японская сторона выдвинула требования: а) незамедлительно возвратить в Японию всех оставшихся в живых похищенных японских граждан; б) тщательно расследовать обстоятельства похищений; в) передать японским властям непосредственных исполнителей преступлений Син Гвансу, Ким Сэхо и К. Уомото.

Однако разгоревшаяся дискуссия в очередной раз выявила непримиримые противоречия сторон. Представители КНДР отказались передать Японии трех подозреваемых в преступлениях, ссылаясь на то, что, например, Син Гвансу нельзя передать Японии в связи с его преклонным возрастом и проблемами со здоровьем, К. Уомото является политическим беженцем, а что касается Ким Сэхо, то они вообще не располагают какой-либо информацией об этом человеке. Более того, делегация КНДР в свою очередь выступила с обвинениями, осудив деятельность японских неправительственных организаций, которые оказывали поддержку северокорейским беженцам, и заявив, что они «насиленно увозят и похищают граждан КНДР из регионов, расположенных рядом с границей с Китаем». Представители Пхеньяна потребовали передать властям Северной Кореи семерых японцев – руководителей и активистов этих неправительственных организаций как лиц, нарушивших уголовный кодекс КНДР²⁵.

Жесткая позиция северокорейской стороны в вопросе похищений отражена в комментарии «Нодон синмун» от 26 марта 2006 г. В нем говорится, что «КНДР не станет добиваться улучшения отношений с Японией, если последняя будет продолжать враждебную политику в отношении Пхеньяна». Автор комментария выражает резкое несогласие с высказываниями японской стороны о том, что до разрешения проблемы похищений не может быть

нормализации двусторонних отношений: «Выдвижение Японией этого условия приведет к усилению конфронтации, обострению ситуации, ущербу имиджа КНДР на международной арене, а также к осложнению ряда исторических вопросов»²⁶.

Таким образом, северокорейская сторона подавала сигнал, что предел ее уступок в вопросе о похищениях уже достигнут и рассчитывать на какие-то новые подвижки Японии не стоит. Вероятно, начиная со второй декады февраля 2006 г. в развитии японо-северокорейских отношений наступила очередная пауза.

Из-за неуступчивости властей КНДР в Японии пользуется популярностью идея экономических санкций против Северной Кореи. В сентябре 2005 г., во время выборов в палату представителей, организации членов семей похищенных провели анкетирование кандидатов в депутаты парламента, чтобы выяснить их отношение к идее введения санкций против КНДР. 45% кандидатов в депутаты поддержали идею санкций. В то же время из 362 вновь избранных депутатов нижней палаты парламента санкции поддержали около 70%. Организаторы анкетирования оценивают такие результаты как доказательство поддержки избирателями жесткой линии поведения в отношении КНДР²⁷.

Однако руководство Японии, по-видимому, не считает экономические санкции только со стороны Токио эффективным средством воздействия на политику Северной Кореи. Так, видный деятель Либерально-демократической партии Японии С. Исиба, занимавший в 2002–2004 гг. пост начальника Управления национальной обороны, считает, что рецепта быстрого решения проблемы похищений не существует. По его мнению, необходимо оказывать на Пхеньян давление в международном масштабе и побуждать Северную Корею к проведению «ответственной политики». Экономические санкции могли бы быть эффективными, полагает Исиба, если бы их поддержало мировое сообщество, поэтому Япония должна добиваться международной поддержки своей позиции²⁸.

Руководство Японии, действительно, стремится придать проблеме похищения людей спецслужбами КНДР международное звучание. Эта проблема обсуждалась на саммите восьмерки в Си-Айленде (США) в июне 2004 г. В заключительном документе саммита не только была выражена поддержка шестисторонним переговорам по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове, усилиям по комплексному разрешению проблем ядерного оружия, обеспечения безопасности, но также было уделено внимание вопросу похищений граждан и другим проблемам гуманитарного характера²⁹. 27 октября 2005 г. тема похищений японских граждан северо-

²⁵ Иомиури симбун. 08.02.2006.

²⁶ <http://Russian.people.com/cn/31520/4238627.html>.

²⁷ <http://www.yomiuri.co.jp/features/eank/200509/ea20050914-02.html>.

²⁸ Исиба Сигэру. Кокубо (Национальная оборона). Токио, 2005, с. 132.

²⁹ Иомиури симбун. 11.06.2004.

корейскими спецслужбами обсуждалась в третьем комитете (по правам человека) Генеральной Ассамблеи ООН. 16 декабря 2005 г. ГА ООН большинством в 88 голосов приняла резолюцию, в которой похищения людей осуждались как «организованные нарушения прав человека»³⁰. Соединенные Штаты Америки солидаризируются с Японией в этом вопросе и наряду с другими обвинениями в адрес КНДР используют для оказания нажима на Пхеньян проблему похищений иностранных граждан. Так, Деторани, представитель США на шестисторонних переговорах по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове заявил, что условием для исключения КНДР из списка государств, поддерживающих терроризм, должно стать разрешение проблемы похищений северокорейскими спецслужбами иностранных граждан³¹.

«Интернационализации» данного вопроса служат и сообщения прессы о том, что пленниками северокорейских разведчиков становились не только японцы, но и люди других национальностей. Х. Сога, вернувшаяся в Японию после многолетнего пребывания в неволе в КНДР, рассказала журналистам, что встречалась в Пхеньяне с румынкой, которую обманым путем привезли из Италии, и с тайской женщиной, похищенной в Макао³². В октябре 2005 г. была опубликована информация министерства объединения Республики Корея о том, что спецслужбы КНДР похитили 55 граждан, из них 11 человек живы, 10 умерли, а судьба еще 34 человек не выяснена³³. Газета «Йомиури» в феврале 2006 г. поместила сообщение о намерении итальянских спецслужб направить в Японию своих сотрудников для получения данных об итальянцах, похищенных северокорейскими разведчиками. «Йомиури симбун» приводит информацию «Коррера делла сера» о том, что выкраденная во второй половине 70-х годов северокорейцами ливанская женщина встречала в КНДР нескольких насильно привезенных туда итальянцев³⁴. Японские организации родственников похищенных граждан устанавливают связи с товарищами по несчастью из других стран для усиления международного давления на власти КНДР. В декабре 2005 г. в Токио состоялась встреча солидарности родственников похищенных людей из Японии, Южной Кореи, Ливана и Таиланда³⁵.

Руководство Японии, добиваясь нормализации отношений с КНДР, вместе с тем наряду с прочими вариантами обдумывает и сценарии действий на случай краха нынешней политической системы Северной Кореи. Часть японских экспертов связывает перспективы окончательного урегулирования проблемы похищения граждан спецслужбами КНДР с демократизацией, а

по существу – со сменой политического режима Северной Кореи. Показательно в связи с этим мнение доктора философии, доцента Киотского университета М. Осава. Ученый считает, что подобно тому, как падение берлинской стены в 1989 г. было подготовлено массовой эмиграцией граждан ГДР через территорию Венгрии в ФРГ, толчком к процессу демократизации (т. е. к смене режима) в КНДР могла бы стать массовая эмиграция из Северной Кореи. По мнению Осава, Япония самостоятельно, в рамках своей мирной конституции могла бы стимулировать процесс демократизации северокорейского режима. Для этого Токио следовало бы договориться с Китаем и Республикой Корея о смягчении контроля на границе с Северной Кореей (чтобы обеспечить «проходимость» границы), объявить о готовности принять на японской территории всех граждан КНДР, пожелавших эмигрировать, и действительно обустроить у себя беженцев, которые будут прибывать на Японские острова. Осава полагает, что в этом случае Республика Корея не осталась бы в стороне и незамедлительно начала бы принимать и обустроить у себя соотечественников с севера³⁶. Но такое подталкивание к хаосу в КНДР могло бы привести к эффекту, обратному демократизации, а именно запустить механизм массовых репрессий руками спецслужб, правоохранительных органов и армии Северной Кореи.

Понимая сложность проблем японо-северокорейских отношений, авторитетные японские специалисты призывают в подходе к ним проявлять сдержанность и терпение. Бывший заместитель министра иностранных дел Японии Х. Танака участвовал в конфиденциальных переговорах с представителями Пхеньяна, подготовивших почву для действительно прорывного визита премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в КНДР в сентябре 2002 г. В своей статье он отмечает: «После данного визита в Японии усилились антисеверокорейские настроения в связи с проблемой похищений японских граждан... Опасно то, что в японо-северокорейских отношениях имеет место противостояние эмоций. Сильные сомнения вызывает позиция средств массовой информации, которые рисуют события в черно-белом цвете, выступают с односторонними нападками и возбуждают общественное мнение. Ощущение угрозы создает атмосфера, в которой трудно высказывать альтернативные мнения»³⁷.

Более того, в Японии звучит критика негибкой позиции руководства страны, которое жестко увязывает вопрос нормализации отношений с КНДР с решением болезненной проблемы похищений граждан. Некоторые специалисты усматривают в современной японской дипломатии и, в частности, в подходе Японии к Северной Корее, усиление националистической тенденции. Бывший дипломат М. Сато, в прошлом игравший заметную роль в развитии японо-российских отношений, пишет: «В настоящее время ксенофобский

³⁰ Санкэй симбун. 23.12.2005.

³¹ Йомиури симбун. 03.11.2005.

³² Йомиури симбун. 08.10.2005.

³³ <http://www.asahi.com/special/abductees/TKY200510250462.html>.

³⁴ Йомиури симбун. 22.02.2006.

³⁵ Йомиури симбун. 21.12.2005.

³⁶ Осава Масами. Гэндзицу но муко (По ту сторону реальности). Токио, 2005, с. 51–52.

³⁷ Танака Хитоси. Табу о ябурадзуситэ нихон но мирай ва най (Без разрушения табу у Японии не будет будущего). – Рондза. 2005, ноябрь, с. 154.

национализм накапливает потенциал для выхода на новую ступень. Если говорить о японо-северокорейских отношениях, то этот потенциал может проявиться в отказе Японии от нормализации отношений с КНДР и аннулирования Пхеньянской декларации от 17 сентября 2002 г.»³⁸

* * *

Проблема похищений японских граждан спецслужбами КНДР составляет наряду с ядерными и ракетной программами Северной Кореи одну из серьезнейших помех для нормализации отношений между Японией и КНДР. Ничто не может стать достаточной компенсацией за исковерканные судьбы пострадавших от похищений и утешением для их родственников. Похищение людей – один из наиболее жестких приемов спецслужб, но к нему прибегали не только в Северной Корее. За четыре года до похищения северокорейской разведкой японской девочки М. Ёкота южнокорейская спецслужба выкрала в Токио и тайно доставила в Южную Корею диссидента Ким Тэ Чжуна, впоследствии ставшего президентом Республики Корея. Проблема похищений досталась в наследство от «холодной войны», к тому же ее исторический фон осложнен и колониальным господством Японии в Корее в 1910–1945 гг., и войной в Корее в 1950–1953 гг., когда Япония играла роль тыловой базы для вооруженных сил США – противника Северной Кореи.

Руководство КНДР признало факты похищений, принесло извинения и заявило о решимости не допустить их повторения в будущем. И, безусловно, это – заметная подвижка в процессе налаживания отношений между двумя странами. Вместе с тем, несмотря на настойчивость японской стороны, Пхеньян лишь приоткрыл правду о похищениях, скрывая информацию о большинстве похищенных японских граждан. Японская сторона считает, что КНДР не представила убедительных доказательств их смерти и исходит из того, что они до сих пор насильно удерживаются северокорейской стороной.

Как представляется, проблема похищений могла бы быть окончательно разрешена в условиях демократических преобразований в КНДР. Однако, как показывает международный опыт, в том числе опыт Республики Корея, этот процесс может быть очень сложным и длительным. КНДР должна самостоятельно пройти тернистый путь к демократии, и внешнее вмешательство контрпродуктивно. Напротив, снятие экономических санкций, стимулирование международных контактов Пхеньяна создаст благоприятные предпосылки для развития естественного процесса демократизации Северной Кореи. И Япония могла бы сыграть в этом процессе важную роль.

«Ниссан» в условиях глобализации: от выживания к успеху

И. Л. Тимонина

Одним из наиболее заметных, знаковых событий в мире японского бизнеса в конце XX в. стало партнерство между одним из крупнейших японских автомобильных концернов «Ниссан» и французской автомобильной компанией «Рено».

«Ниссан» пережил весьма нелегкие времена в 90-е годы, когда в условиях глобализации японской экономики и международного автомобильного рынка ему пришлось «отвечать на новые вызовы». Он вступил в альянс с европейской компанией, изменил корпоративную стратегию, модернизировал систему управления, в определенной степени отойдя от «японских традиций» ведения бизнеса. Сразу же оговоримся, что путь «Ниссан» не единственно возможный в условиях глобализации. Например, лидер японского автомобилестроения компания «Тоёта Мотор» полностью сохранила свою независимость и корпоративные принципы. Она весьма успешно действует как на внутреннем, так и на зарубежных рынках. Поэтому нам представляется важным выяснить, что же происходило в «Ниссан» в последние годы (в первую очередь в связи с заключением альянсового соглашения) и каковы его перспективы на будущее. Опыт «Ниссан» может оказать существенное влияние на поведение других японских компаний (и не только автомобилестроительных), учитывая тенденцию к их более тесной кооперации с зарубежными партнерами.

История основания и развитие компании во второй половине 90-х годов

В 1933 г. в Иокогаме холдинговые компании *дзайбацу* «Ниссан» («Ниппон сангё») и «Тобата Имоно» основали компанию «Дзидося Сэйдзо Ко.», которая стала предшественницей «Ниссан», а в 1934 г. неподалеку от Токио было завершено строительство автозавода¹. В том же году первые 44 автомобиля марки «Датсун» были экспортированы в Азию и Южную Америку, а сама компания получила свое нынешнее название «Ниссан Мотор Ко.».

³⁸ *Сато Масару*. Миндзоку но вана (Западная национализма). – Сэкай. 2005, декабрь, с. 97.

¹ *Shimokawa K.* The Japanese Automobile Industry. A Business History. – The Athlone Press, L., 1994, p.109.